

Екатерина Мордвинцева

Обратная сторона вечности

«Литнет»

2021

Мордвинцева Е.

Обратная сторона вечности / Е. Мордвинцева — «Литнет», 2021

Ночь. Клуб. Взгляд. Егор думал, что это будет очередное мимолётное приключение. Но Ксения оказалась не просто красивой девушкой — она была вампиром, прячущимся от своего прошлого сто лет. Их встреча случайна, но чувства неизбежны. Чтобы быть вместе, ему придётся умереть и родиться заново. Сможет ли любовь победить голод, страх и древнее проклятие?

© Мордвинцева Е., 2021

© Литнет, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Глава 1

Ночь пахла деньгами, потом и свободой.

Бас ударил где-то под рёбрами, прокатился по позвоночнику и вышел через макушку, оставляя после себя вибрацию, которая, казалось, настраивала внутренние органы на одну частоту с колонками. Егор Тихомиров стоял в самом сердце танцпола клуба «Агата», закрыв глаза, и позволял ритму вколачивать себя в состояние идеального нирванического транса.

Здесь музыка была не просто звуком. Она стала субстанцией — густой, почти осязаемой, от которой вибрировали зубы, а в груди возникало странное чувство полёта, будто пол вот-вот уйдёт из-под ног. Такое ощущение он ловил только в лучших клубах Москвы и один раз — на закрытой вечеринке в Берлине, куда его вытащил Ник за компанию. Тогда они умудрились потерять друг друга на три часа, встретились уже под утро у выхода и, хохоча, признались, что оба просто кайфовали в одиночестве под звуки, которые можно было не слушать — ими можно было дышать.

Егор был своим в «Агате». Не потому, что мажор с папиной картой — хотя карта «Платинум» в кармане джинсов имела, подарок на прошлый Новый год от щедрых родителей, которые до сих пор не оставляли попыток привязать сына к семейному бизнесу. Нет, он был своим по праву. Он умел быть своим везде, где пахло хорошей музыкой и дорогим алкоголем, где лица в полумраке казались высеченными из мрамора, а утро обещало либо приключения, либо полную амнезию. Это умение не купишь за деньги. Это — чутьё. Или наглость. Или их счастливая смесь.

Двадцать пять лет. Менеджер среднего звена в крупной IT-компании. Должность звучала скучно: «Специалист по клиентскому сервису и развитию партнерской сети». На деле это значило, что днём Егор разруливал конфликты с заказчиками, пил кофе с важными лицами (иногда до такой степени важными, что им даже кофе носили личные помощники) и иногда писал умные письма на английском, вставляя слова вроде «синергия» и «проактивный подход». Ему платили достаточно, чтобы снимать отличную квартиру в «Москва-Сити» — не покупать, потому что покупка недвижимости в двадцать пять казалась ему идиотизмом, но на съём с запасом хватало. Он одевался в итальянских бутиках (не на каждом углу, а тех, где продавцы помнят твоё имя и размер) и ни в чём себе не отказывал по ночам.

Ночь была его временем. Временем, когда заканчивалась скучная обязловка, гас экран рабочего ноутбука, и начиналась настоящая жизнь — та, за которую он, если честно, и получал свою зарплату. Чтобы потом, после двадцати часов корпоративной вежливости и дипломатии, можно было выдохнуть, скинуть пиджак и шагнуть в темноту.

— Егор! Йо! Тормози уже, дай передохнуть!

Кто-то хлопнул его по плечу. Егор открыл глаза и скосил взгляд на Никиту — друга ещё с первого курса МИФИ, где они вместе страдали от высшей математики и одновременно открыли для себя прелесть ночных рейвов. Ник тряс головой, как мокрая собака, вытрясая из ушей гул; его короткие волосы взмокли, а на лице застыло выражение блаженной усталости. Потом он показал пальцем на барную стойку, где уже образовалась небольшая очередь из таких же измученных танцоров.

— Выйдем? — крикнул Ник, перекрывая музыку. Ладони он сложил рупором, чтобы голос не разбивался о басы. — В горле пересохло! И в пузе! Шавухи хочу!

— Шаурма после джин-тоники — это гастрономическое преступление, — лениво отозвался Егор, но кивнул.

Ник был прав. Жажда уже выжигала горло, да и мысли о шаурме начали казаться не такими уж глупыми. Алкоголь всегда пробуждал в нём странный, почти звериный аппетит. Однажды после корпоратива они с Ником дошли до того, что заказали три порции шаурмы

на двоих и съели всё, не оставив даже крошек. Официант в круглосуточном ларьке тогда ещё долго вспоминал «тех двух бледных кентов, которые жрали как не в себя».

Бросив прощальный взгляд на вип-ложу справа — там какая-то длинноногая брюнетка в облегающем платье цвета бутылочного стекла строила ему глазки из-под накладных ресниц. Егор встречался с ней взглядом секунду, другую. В другое время он, возможно, подошёл бы, сказал что-то легко-остроумное, купил бы ей какой-нибудь переоценённый коктейль с зонтиком и провёл бы остаток ночи с пользой. Но сегодня он был не в настроении для одноразовых знакомств. Иногда хотелось просто кайфовать от музыки, от толпы, от чувства собственной крутизны, когда ты стоишь посреди этого бедлама и знаешь: ты — центр своей вселенной, и никто вокруг не имеет доступа к твоему покою.

Он пожал брюнетке плечами (что можно перевести как «извини, вечер занят») и двинул к выходу с танцпола, лавируя между потными, счастливыми телами. Кто-то задел его локтем, кто-то, наоборот, прижался на секунду — в такой толпе физические границы размываются, и это тоже был особый кайф.

У барной стойки было шумно, но хотя бы можно было разговаривать, не срывая голос до хрипоты. Свет здесь был приглушённый, янтарный, отражался в блестящих бутылках за спиной бармена и в глазах посетителей, которые уже перешли из стадии «лёгкое опьянение» в стадию «веселье с оттенком безумия».

— Джин с тоником, — бросил Егор бармену — молодому парню с татуировкой дракона на шее, который уже тянул руку к бутылке «Хендрикса», зная вкусы постоянного клиента. Дракон извивался каждый раз, когда парень двигал головой, и выглядело это одновременно завораживающе и немного жутковато. — И покрепче. Лимон вместо лайма.

— Есть, — кивнул бармен.

— Ник, ты как?

— Виски, двойной, — Ник плюхнулся на высокий стул, обтянутый потёртым велюром, и устало потер переносицу. Его пальцы слегка дрожали — то ли от усталости, то ли от того, что музыка ещё пульсировала в крови. — Стареем, брат. В час ночи уже вырубаюсь. Раньше мы до шести утра могли, и на работу на следующий день — хоть бы хны. А сейчас... Сейчас я смотрю на часы и думаю: «Боже, неужели только начало двенадцатого?»

— В час ночи всё только начинается, — усмехнулся Егор, принимая бокал. Прозрачная жидкость приятно холодила пальцы через стекло, и он с наслаждением втянул воздух — можжевельник смешивался с цитрусом, создавая тот самый сложный, взрослый аромат хорошего джина. Он сделал глоток, чуть задержал на языке, и терпкий вкус можжевельника с нотками кориандра и фиалки разлился по нёбу, смешиваясь с послевкусием дорогого тоника. Идеально.

На секунду Егор закрыл глаза и просто наслаждался. В такие моменты он чувствовал себя не просто менеджером среднего звена, а человеком, который умеет управлять своей жизнью. Он мог позволить себе этот джин, этот клуб, эту свободу. И это давало ощущение, почти физическое, будто он держит в руках свой мир и тот не рассыпается.

— Слышал новость? — Ник понизил голос, хотя перекрикивать музыку всё равно приходилось. Он отодвинул свой стакан с виски на секунду, наклонился к Егору. — По «Авроре» проект закрыли. Всю команду на аутсорс отдают. Сокращение.

Егор поморщился. «Аврора» — их бывший заказчик, крупный ретейлер, с которым он сам выстраивал отношения полгода назад. Там было столько нервов, ночных созвонов с юристами, принятия решений, когда за спиной уже не стоял никто из руководства. Он тогда вбухал в этот проект столько сил, что на выходных просто выпадал из реальности. Слив бюджета — обычное дело, внутренние разборки тех, кто не смог поделить потоки — тоже знакомая история. Но новость всё равно была неприятной, как укол в то самое место, где ещё не прошёл синяк.

— Говорят, их IT-директор сбежал за месяц до закрытия, прихватив с собой сервер и двух лучших аналитиков, — продолжил Ник, явно получая удовольствие от сплетен. — А команде сказали: «Вы свободны, спасибо за сотрудничество». Без выходного пособия. Вот так.

— Ник, мы в клубе, а не на планерке, — Егор отмахнулся рукой с бокалом, чуть не расплескав. — Расслабься. Если будут сокращать — пойду в «Яндекс». Или в Дубай свалю. Там налоги низкие, а зарплаты выше. Проблема? Для меня — нет.

Он сказал это с лёгкостью, которую не чувствовал. На самом деле мысль о возможном сокращении где-то глубоко беспокоила. Но показывать это Нику, а тем более — самому себе, он не собирался.

— Для тебя проблем вообще не существует, — хмыкнул Ник с лёгкой завистью, которая, впрочем, была лишена злости. Он отпил виски, поморщился — бармен переборщил с торфяным оттенком. — Везет же некоторым. Тебе и девушки сами в руки плывут, и работа не пыльная. А я вон, банковский клерк, каждый день в галстук задыхаюсь.

— Не везет, — Егор поднял указательный палец и сделал ещё один глоток, побольше. — А работаю над этим. Вкалываю как папа Карло, чтобы вот так сидеть и пить джин с тоником. Итээсник, блин, должен страдать, сидеть в тёмной комнате и отлаживать баги по ночам — а я, вон, смотри.

Он обвёл рукой зал: дизайнерский свет (каждая зона клуба имела свой оттенок — от прохладного синего у входа до тёплого красного в вип-ложах), красивые люди (девушки в микроскопических платьях, парни в рубашках с расстёгнутыми воротами и часами, которые тянут на полгода его зарплаты), бутылки на столах за сотню тысяч.

— В «Агату» без брони не попасть, — добавил он, словно подводя итог. — А у меня постоянный столик. Вот так.

— Бабушка твоя — депутат Государственной Думы, — засмеялся Ник. — Ты поэтому свой?

— Частично, — не стал спорить Егор. — Но швейцара это не колышет. Ему плевать на бабушек. Ему нужно, чтобы ты вписывался в концепцию. А я вписываюсь.

Он сам любовался собой в эти секунды — и это было не самолюбование, а скорее привычка, выработанная годами светских мероприятий, вечеринок, презентаций. Как артист перед выходом на сцену проверяет пульс. Егор был артистом собственной жизни.

— Короче, я в курилку, — Егор допил одним глотком остатки джина, поставил бокал на стойку. — Душно.

— С тобой иду, — Ник подхватился, и они вместе направились к выходу в лаунж-зону на улице.

Летняя ночь ударила в лицо влажным теплом, смешанным с ароматами московского воздуха — бензин, асфальт, нагретый за день и теперь медленно остывающий, духи прохожих и далёкий запах жареного мяса. Город не спал. Через дорогу сверкала башня «Федерации» — одна из тех, где у Егора, кстати, была квартира. Он любил этот вид: стекло и бетон, подсвеченные тысячами огней. Город будущего, в котором он чувствовал себя хозяином. Или по крайней мере — желанным гостем.

У входа в клуб, в специально отгороженной лаунж-зоне под открытым небом, курили, смеялись и флиртовали. Воздух здесь был пропитан табаком, дорогим парфюмом и тем особым состоянием «после третьего бокала», когда все становятся красивыми и остроумными. Дорогие машины выстроились вдоль поребрика: «Порше», «Бентли», пара «Мазерати» — одна из них, кажется, принадлежала известному футболисту, который любил зависать в «Агате» инкогнито.

Егор мельком глянул на свой «Ауди А7» — серебристый, красивый, но на этой парковке он смотрелся скромнягой.

«Ничего, — подумал он. — Будет у меня и "Феррари", когда я начну брать сделки на себя, а не работать на дядю. Вопрос времени и правильных связей».

Он достал пачку «Парламента» (синий, не красный — красные слишком резкие), выбил сигарету, прикурил от тяжёлой бензиновой зажигалки «Zippo» с гравировкой — подарок Ника на прошлый день рождения. Зажигалка была с выгравированными инициалами и датой: «Е.Т. — 25». Ник тогда сказал: «Пусть будет железка, которая не гаснет, как наше дружба». Сентиментально, но Егор оценил.

Затянулся глубоко, с наслаждением, чувствуя, как никотин въезжает в кровь и аккуратно, по-хозяйски, разгоняет хмель. Табак смешался с воздухом ночного мегаполиса, и в этом коктейле было что-то родное, московское — резкое, смелое, живое.

Ник уже нашёл компанию общих знакомых: какие-то парни с работы плюс две девушки в платьях, которые явно были куплены на распродаже, но умело носились. Они смеялись над чем-то, Ник размахивал руками, изображая то ли начальника, то ли таксиста — сложно было разобрать. Егор остался в стороне, ему не хотелось влезать в чужие разговоры.

Он облокотился о холодную бетонную тумбу с логотипом клуба (стилизованная буква «А», похожая на перевёрнутую ноту) и, куря, рассеянно скользил взглядом по толпе.

И вдруг — тонкий, едва уловимый аромат.

Сначала он подумал, что ему показалось: слишком много запахов смешалось в этом пятачке у входа. Но аромат прорезал всё — дым, духи, запах пота и автомобильных выхлопов. Он был сложный, многослойный: сандаловое дерево (глубокое, почти смолистое), что-то цветочное, но не приторное — скорее горьковатое, как ирис или фиалка, и едва заметная нота старой древесины и... чего-то ещё, чего Егор не мог определить, но что заставляло ноздри раздуться.

Он невольно повернул голову.

В трёх метрах от него, отдельно от всех, стояла девушка.

Она курила, откинув голову чуть назад, и глядела куда-то в тёмное небо над небоскрёбами — туда, где редкие звёзды всё ещё боролись с городской подсветкой и проигрывали. Чёрные волосы, прямые и длинные, стекали по плечам на спину, как застывшая лава. Они не двигались от ветра, не пушились — лежали плотным, гладким полотном, словно были тяжёлыми.

Лица толком не разглядеть — полумрак, тени от козырька падали удачно — или неудачно. Но что-то в её силуэте было такое... не от мира сего. Холодная статуэтка. Стекланая, дизайнерская вещь, которую поставили на пьедестал и забыли убрать. Она стояла неподвижно, как изваяние, и даже дым от её сигареты поднимался вверх ровными, ленивыми кольцами, без суеты — в отличие от дыма курящих рядом, который клубился нервными завитками.

Обычно в таких местах девушки стреляют глазами, строят глазки, поправляют волосы, поправляют платья, стараются привлечь внимание. Даже самые красивые из них делают это — иногда почти незаметно, иногда откровенно, нагло, «трахайте меня глазами». Это часть игры. Это правила.

Но этой... было плевать. Абсолютно. Она была сама по себе, в своём собственном космосе, куда не долетали даже звуки басов из клуба. Егор смотрел на неё и чувствовал, как внутри поднимается странное беспокойство — не тревога, нет, а что-то вроде вопроса, на который у него не было ответа.

— Ник, глянь, — Егор кивнул подбородком в сторону незнакомки. Голос вышел хриплым — он откашлялся.

Ник, который как раз закончил рассказывать анекдот и теперь слушал, как одна из девушек пересказывает последний фильм, обернулся. Прищурился.

— Модель? — предположил он. — Слишком худая. Хотя фиг знает, сейчас такие в тренде. Скелеты в мешках — это называется «высокая мода». Но лицо... не видно лица. Может, красивая. Подойти?

— Не, — Егор почему-то мотнул головой, с удивлением для самого себя. Обычно в таких случаях он уже смекнул бы, с какой стороны подходить. Но здесь сработал какой-то внутренний тормоз, предохранитель. — Просто... странная она какая-то.

— Чего странного? — не понял Ник и пожал плечами, возвращаясь к девушкам. — Обычная телочка. Холодная. Может, «снежок» нюхнула, вот и торчит. Таких в «Агате» полно.

— Не, — повторил Егор, а сам всё смотрел. — Не в этом дело.

Ему вдруг захотелось подойти. Не для того, чтобы закадрить, а чтобы просто... посмотреть в глаза. Увидеть, что там, за этой маской из сандала и безразличия.

Но он сдержал себя. Потому что тоже был частью этой игры — и знал: если подойдёшь вот так, с пустыми руками, без правильного настроения, она либо пошлёт, либо просто исчезнет. А они ведь мастера исчезать, такие женщины.

Он докурил, бросил окурок в урну, стоящую у входа. Девушка так и не обернулась. Егор пожал плечами, решив, что Ник прав — мало ли каких странных персонажей ночная Москва выгуливает. Может, у неё просто несчастная любовь, может, она поэтесса, которая пишет стихи о смерти, а может, она вообще никто — просто фигура, возникшая из теней, чтобы поиграть с его воображением.

Они вернулись внутрь, и музыка снова накрыла их с головой, вытеснив все мысли.

Через два часа, когда виски в организме достигло критической массы (Егор успел выпить ещё два бокала, а Ник перешёл на какой-то странный коктейль с вычурным названием «Московский экспресс»), а танцпол превратился в единый пульсирующий организм, где каждое тело двигалось в унисон с басом, Егор понял — пора.

— Я пас! — крикнул он Нику, который отжигал с той самой блондинкой, стоявшей в очереди у барной стойки. Теперь они танцевали в обнимку, и перспективы вечера для Ника выглядели радужно. — Домой! Завтра на работу, блин.

— Брось тачку! — крикнул Ник в ответ, не прекращая двигаться. Блондинка что-то прошептала ему на ухо, и он хихикнул, как подросток. — За руль нельзя! Ты три виски выдул!

— Вызову такси! — отмахнулся Егор. Он не был полным идиотом. Пьяным за руль — даже в его мире, где деньги и связи могли решить многие проблемы, это было табу. На кону права, деньги, свобода. Нет уж.

Он допил воду, которую заказал за десять минут до этого (хитрость, выработанная годами: перед выходом — стакан воды, чтобы утром голова не раскалывалась), и пошёл к выходу, ловя на себе провожающие взгляды охраны. Двое крепких парней в чёрных костюмах с лацканами, под которыми угадывались наушники, кивнули ему — Егора здесь знали. Обычно в это время они тоже выдыхали: основные гости уже внутри, зона фейс-контроля отдыхает, и только редкие опоздавшие пытаются прорваться сквозь толпу.

Егор прошел мимо швейцара — мужчины в идеально синем сюртуке и цилиндре, который выглядел так, будто сошёл с обложки журнала о дендизме. Швейцар знал Егора в лицо, как и многих других постоянников. Легкий кивок, дежурная улыбка.

Он свернул за угол, где была стоянка такси, но ноги сами понесли его не на стоянку, а чуть дальше, в сторону круглосуточной шаурмичной. Она держалась на плаву исключительно за счёт подвыпивших тусовщиков и таксистов, которые знали толк в уличной еде. Вывеска «Восточный дворик» горела неоном, привлекая голодных как маяк.

Жрать хотелось зверски. Алкоголь выжег весь желудок и теперь требовал возмездия в виде жирного мяса, соусов и хрустящего лаваша.

Лавка с шаурмой помещалась в крошечном ларьке с подогревом — внутри было тесно, но чисто. Рядом стояли два пластиковых столика, вкопанных в асфальт. Один был занят какой-то компанией — трое парней в спортивных костюмах, явно местные «спортсмены» (термин, который в Москве мог означать что угодно — от любителей качалки до мелких криминальных элементов). Они громко ржали над чем-то на своих телефонах — то ли над мемами, то ли над чьим-то фото.

Егор встал в очередь. Перед ним маячили двое парней, тоже из клуба, судя по одежде: пиджаки расстегнуты, бабочки ослаблены, вид помятый, но довольный.

— Мне с острой, двойное мясо, — лениво продиктовал он продавцу-узбеку, который ловко орудовал ножом, нарезаая мясо с вертикального вертела. — И соус чесночный. И зелени побольше.

И тут сзади раздался голос — пьяный, наглый, с той интонацией, которая не предвещала ничего хорошего.

— Слышь, богатенький, отойди-ка, мы первые.

Егор обернулся.

Те самые «спортсмены» поднялись со своего столика и подтянулись к ларьку. Трое. Рожи мятые, взгляды мутные, но в этой мути чувствовалась злая, недобрая уверенность. Один, самый крупный, с татуировкой «ВОЛК» на шее — грубая, тюремная работа, выполненная, скорее всего, на зоне, не в салоне, — ухмылялся, демонстрируя щербатые зубы. От него пахло дешёвым пивом, перегаром и потом.

— Ты че, не слышал? — «Волк» шагнул ближе, сокращая дистанцию до того, что Егор почувствовал его дыхание — кислое, спиртовое. — Мы тут вообще-то отдыхаем. А ты встал, как у себя дома.

Егор внутренне вздохнул. Обычная история. В каждом районе Москвы есть такие гопники, которые видят в нормально одетом парне врага и повод для конфликта. Если ты улыбаешься слишком широко — ты лох. Если ты смотришь слишком дерзко — ты мажор, которого нужно опустить. Если ты стоишь в очереди за шаурмой — значит, ты такой же, как они, но при этом одет не так, и это вызывает агрессию.

Обычно он умел сглаживать углы: улыбнуться, перевести в шутку, сделать вид, что ты не понял угрозы, или наоборот — показать, что тебе не жалко, уступить место. Психология выживания в ночном городе. Но сейчас алкоголь делал его смелее, да и настроение было слишком хорошим (тот самый покой после джина, ощущение свободы), чтобы терпеть хамло.

— Очередь, мужики, — спокойно ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно и без вызова. — Я стоял. Вы подошли.

— Очередь для лохов, — «Волк» шагнул ещё ближе, его лицо оказалось в полуметре от лица Егора. — А ты лох?

Второй, прыщавый, с золотой цепью на шее (цепь была дешёвой, краска на ней уже облупилась), засмеялся — громко, неестественно, как будто хотел показать, что поддерживает. Третий, самый тихий, просто смотрел исподлобья, поигрывая ключами от «Приоры», припаркованной тут же у обочины. Ключи были с брелоком в виде черепа — дешёвый китайский пластик.

Егор посмотрел на парней из клуба, что стояли перед ним. Те сделали вид, что увлечены изучением меню, хотя там и так всё было понятно: три вида шаурмы, кофе в бумажных стаканчиках и хот-доги. Свои шкуры спасали. Понятно. Таких, как Егор, здесь много, а таких, как «Волк», — ещё больше. Никто не лезет.

— Слышь, — «Волк» толкнул Егора в грудь ладонью. Толчок был чувствительным, Егора качнуло назад, кроссовки заскрежетали по асфальту. — Ты че молчишь, когда старшие разговаривают?

Вот тут внутри что-то щёлкнуло.

Егор не был пацаном с района, не дрался каждый день в подворотнях, не доказывал свою правоту кулаками с детского сада. Но он занимался боксом пять лет в юности — сперва в школьной секции, потом в клубе при МИФИ, где тренировки вели бывшие спортсмены, не жалевшие новичков. Потом, в универе, переключился на кикбоксинг, чтобы разнообразить технику ног. Тело помнило стойку, как велосипед: чуть согнутые колени, руки на уровне подбородка, вес на передней ноге. Адреналин и алкоголь сделали своё дело — убрали страх, оставив только холодный, расчётливый гнев.

— Руки убрал, — сказал он тихо, не повышая голоса, но так, что услышали все трое. — Пока цел.

— О! — «Волк» повернулся к своим, растягивая рот в ухмылке, которая не касалась глаз. — Слышали? Он мне угрожает! Богатенький буратино мне угрожает! Посмотрите на него — в джинсах за двадцать тысяч, в часах, которые больше моей «Приоры» стоят, и он мне угрожает!

Он снова толкнул Егора, сильнее. Егор не удержался, сделал шаг назад, споткнулся о бордюр. Часы — «Тиссот», кстати, действительно недешёвые, — блеснули в свете уличного фонаря. «Волк» заметил и оскалился.

— О! Часики! — протянул он. — Сними-ка. Пока не сняли.

В этот момент внутри лопнула последняя нитка самоконтроля.

Егор шагнул вперёд, уходя с линии атаки, и четко, как на тренировке, всадил кулак прямо в челюсть «Волку». Бил от души, со всей дури, вкладывая вес тела — поворот корпуса, перенос центра тяжести, всё, чему учили. Кулак вошёл в цель с глухим, влажным звуком, от которого у самого свело скулу.

Удар получился отличным. «Волк» даже не охнул — просто сложился пополам и рухнул на асфальт, как мешок с картошкой. Егор не стал смотреть, упал ли он. Он уже разворачивался ко второму.

— Ах ты сука! — прыщавый бросился на Егора, но драка — это не кино, где все попадания зрелищны и враги падают по одному. Прыщавый был быстр, но неуклюж. Егор успел увернуться от его дикого размашистого удара, схватить его за капюшон, дернуть вниз, одновременно подсекая ногой. Прыщавый рухнул на колени, и Егор, уже не думая о последствиях, добавил коленом в лицо. Хруст. Кровь. Визг. Визжал не прыщавый (он, кажется, потерял сознание), а какая-то девушка из очереди за шаурмой.

Третий, тот, что с ключами, замешкался на секунду. Он переводил взгляд с упавшего «Волка» на прыщавого в луже крови, потом на Егора, оценивая свои шансы. Но в следующее мгновение из подъехавшей к лавке машины выскочили ещё двое его друзей — видимо, сидели в «Приоре», ждали сигнала.

Силы стали неравными.

«Приора» взвизгнула шинами, притормаживая в трёх метрах от ларька. Из неё выскочили двое — оба в чёрных куртках, с бритыми головами. У одного в руке блеснул предмет, который Егор не успел разглядеть. Может, бита, может, арматура. Сердце ухнуло в пятки.

Егор отбивался, как мог. Драка превратилась в хаос. Чьи-то руки хватали его за одежду, кто-то заехал кулаком в печень — дыхание перехватило, перед глазами поплыли оранжевые круги. Он попытался заблокировать следующий удар, но чей-то ботинок влетел в бедро, и нога подкосилась. Кто-то держал за руки сзади — сильные, жёсткие пальцы, как клещи.

— Ща мы тебя, выскочка... — шипел прыщавый, который уже очухался и теперь, размазывая кровь по лицу, заходил сбоку.

Егор приготовился к худшему. Мысль была одна: «Идиот, надо было просто отдать им место в очереди». Но сделать это постфактум уже не получится. Толпа вокруг разбежалась — кто-то снимал на телефон, кто-то просто уносил ноги. Продавец-узбек исчез, наверное, спрятался внутри ларька.

И тут взвыла сирена.

Полицейская — нет, уже полицейская, патрульная — машина вылетела из-за угла, заливая всё вокруг синим и красным светом. Свет резанул по глазам, заставил зажмуриться. Визг тормозов, хлопки дверей.

— Всем стоять! На землю, быстро!

Драка рассосалась мгновенно, как утренний туман. Парни из «Приоры» рванули к своей тачке, забыв про упавшего «Волка». Прыщавый бросился в другую сторону, в темноту двора, но запнулся о бордюр, упал, вскочил и побежал дальше, хромая. Третий, тихий, просто исчез в переулке, даже не оглянувшись.

А Егор остался стоять, держась за печень и хватая ртом воздух. Перед глазами всё плыло, ноги плохо слушались. Во рту был привкус металла — то ли от удара в челюсть, то ли от страха. Бежать? Куда? Он еле стоял.

Полицейские уже выскакивали из машины. Двое — молодые, злые, в бронежилетах поверх формы. Один сжимал в руке пистолет, второй — рацию. Они оглядывали место драки быстрыми, тренированными взглядами.

Егор понял: если его заберут, ночь закончится в обезьяннике. А потом — штраф, возможно, статья за драку (пусть и в самообороне, но свидетелей нет, а показания гопников будут такими, что они, конечно, «мирно стояли, а этот псих напал»). Потом проверка на работе, звонок в отдел кадров, неприятные вопросы. Вся его красивая жизнь посыплется к чертям.

Он попытался сделать шаг, но нога подвернулась.

И тут чья-то рука схватила его за запястье.

Хватка была железная, холодная и нечеловечески сильная. Такая сила бывает у тех, кто годами тренировался в боевых искусствах, или у тех, кто... не совсем человек. Пальцы охватили его руку чуть выше часов, и это было похоже на захват тисков.

— Бежим, — выдохнул голос прямо в ухо.

Голос был низким, хрипловатым, с едва уловимой картавинкой. И знакомым. Егор обернулся, насколько мог, учитывая, что его уже тащили в сторону.

Та самая девушка.

Черные волосы, бледное лицо, огромные темные глаза, в которых плясали отблески мигалок. Та, что стояла у клуба и курила в небо, глядя на звёзды.

Он не успел ничего сказать. Она просто рванула с места, потащив его за собой, как тряпичную куклу.

В голове мелькнула только одна мысль: «Она здесь? Откуда? Она следила за мной? Или просто оказалась рядом?» Но времени для вопросов не было — ноги сами побежали, подчиняясь её силе.

Они влетели в арку, потом во двор, потом в какой-то лабиринт из мусорных баков и старых гаражей. Егор спотыкался о выбоины в асфальте, задевал плечом стены, но она тащила его, не сбавляя скорости. Казалось, она видит в темноте, как кошка, и знает каждый закоулок, каждый проход между домами, каждую лазейку.

Сзади орали полицейские: «Стоять! Стрелять буду!» Но голоса быстро стихли — запутались в лабиринте дворов, не рискнули лезть в непролазную черноту без фонарей.

Она бежала бесшумно — он не слышал даже её дыхания. Только свист ветра в ушах и стук собственного сердца, готового выпрыгнуть из груди.

Она остановилась так же внезапно, как и начала бег. Под старой липой, в темном углу двора, где даже фонари не светили. Здесь пахло сыростью, мокрыми листьями и ещё чем-то сладковато-гнилостным — наверное, испорченные продукты из бака неподалёку.

Егор согнулся, пытаясь отдышаться, но получалось плохо. Печень горела огнем, легкие разрывались, в горле стоял кислый привкус желчи. Он опёрся руками о колени, потом прислонился спиной к шершавой стене.

— Ты... как... — выдохнул он, поднимая глаза.

Девушка стояла перед ним, абсолютно спокойная. Ни следа одышки. Ни капли пота. Волосы ничуть не растрепались — лежали так же гладко, как и у клуба. Она просто смотрела на него, чуть склонив голову набок, и в глазах её плясали странные огоньки — может, отражение далёких фонарей, а может, что-то другое, чего он ещё не умел называть.

— Тише, — сказала она. — Они не найдут.

И тут Егор разглядел её лицо.

Красивая. Очень красивая. Не той пластиковой красотой инстаграмных моделей, не той накачанной силиконом сексуальностью, которую продают и покупают в ночных клубах. Красивая какой-то древней, породистой, опасной красотой. Высокие скулы, тонкие губы, идеальная бледная кожа — не больнично-серая, нет, а именно бледная, как дорогой фарфор, как лунный свет, воплощённый в материю. И глаза — огромные, темные, бездонные.

Красивая.

И странная.

— Спасибо, — выдохнул он, наконец выпрямляясь. Печень всё ещё ныла, но дыхание начинало восстанавливаться. — Ты... ты откуда взялась?

— Рядом была, — уклончиво ответила она.

— Ты следила за мной?

— Нет. Просто... оказалась рядом, — она сделала паузу, и в её глазах мелькнуло что-то неуловимое. — Не каждый день видишь, как менеджер из «Москва-Сити» раздаёт тумачи гопникам у шаурмичной. Это было... впечатляюще.

— Впечатляюще? — он усмехнулся, хотя смех отозвался болью в рёбрах. — Я чуть не получил ножом в печень.

— Но не получил, — спокойно заметила она. — И если бы не полиция, ты бы, возможно, даже разобрался с ними.

— Ты так думаешь?

— Я знаю, — в её голосе прозвучала странная уверенность. — Ты дерёшься хорошо. Научился не в спортзале, где всё стерильно, а на ринге или на улице. Бокс? Кикбоксинг?

— И то, и другое, — удивился он. — Откуда... впрочем, неважно.

Она не представилась. Он назвал своё имя — «Егор», и она чуть кивнула, словно принимая информацию к сведению, но не более.

— Пойдём, — сказала она и снова взяла его за руку — но теперь не тащила, а просто вела. — Тут недалеко.

И они пошли через дворы, петляя между пятиэтажками и новостройками, через арки и подземные переходы, которых Егор раньше не замечал, хотя жил в этом районе не первый год. Она вела его уверенно, словно всю жизнь прожила здесь, знала каждый закоулок, каждую сломанную скамейку, каждый фонарь, который не горел.

А Егор плелся следом, чувствуя, как от её прохладной ладони по всему телу разбегаются мурашки, не имеющие ничего общего с ночным холодом. И думал только об одном: «Кто она?»

Но ответа не было. Была только ночь, только её рука, только этот странный запах сандала и цветов, который она оставляла за собой.

Глава 2

Ночь превратилась в лабиринт.

Егор перестал понимать, где они находятся, ещё на третьем повороте. Дворы сменялись дворами, арки — арками, какие-то подворотни вели в тупики, из которых, казалось, не было выхода, но Ксения (он узнал её имя, когда она коротко бросила его через плечо: «Меня Ксения зовут, не забудь, если спросят») знала каждый проход.

Она двигалась бесшумно, легко, как тень. Её чёрное шёлковое платье струилось за ней, почти невесомое, а волосы, длинные и прямые, ни разу не запутались в ветках низко растущих деревьев, хотя несколько раз они продирались сквозь кусты. Егор спотыкался, дышал тяжело, чувствовал, как адреналин в крови сменяется тупой усталостью, и одновременно ловил себя на мысли, что не хочет, чтобы этот бег прекращался.

Впервые за долгое время он чувствовал себя не хозяином положения, а ведомым. И это было... странно приятно.

— Ксения, — выдохнул он, когда они наконец замедлились у какого-то неприметного подъезда с облупившейся краской. — Мы вообще в ту сторону бежим? Мой дом в «Москва-Сити», это в другой части города.

— Твой дом подождёт, — бросила она, не оборачиваясь. Доставала ключ — старый, массивный, с замысловатой бородкой, похожий на музейный экспонат. — Сначала нужно, чтобы ты пришёл в себя. И чтобы они тебя не нашли.

— Я в порядке, — соврал он, хотя голова всё ещё гудела после удара о бордюр, рёбра ныли при каждом вдохе, а ладони были содраны об асфальт. Вкус крови во рту — своей, не чужой — напоминал о неудачном приземлении.

— Ты не в порядке, — отрезала она. Голос был низким, спокойным, без тени паники, но в нём звучала сталь, не терпящая возражений. — Ты еле стоишь на ногах. Если полицейские объедут квартал, ты не сможешь даже убежать.

Она резко повернулась и посмотрела ему в глаза.

В полумраке подъездного фонаря он впервые разглядел их по-настоящему — огромные, тёмные, с золотой искрой глубоко на дне. Красивые. Опасные. Такие глаза бывают у людей, которые видели слишком много, чтобы удивляться, и слишком мало, чтобы радоваться.

Егор вдруг подумал: «А сколько ей лет?» На вид — двадцать пять, не больше, но было в ней что-то древнее, как в старых московских переулках, которые помнят царей и революции.

— Идём, — сказала она и толкнула дверь.

Подъезд пах пылью, старой бумагой и ещё чем-то неуловимым — может быть, ладаном, а может, просто временем. Такие запахи бывают в домах, которые строили до революции и с тех пор почти не ремонтировали. Мраморные полы потрескались, лепнина на потолке местами обвалилась, но в этом была своя красота — красота умирающего величия.

Они поднялись на третий этаж по широкой лестнице с коваными перилами. Лифта не было — старый, с кованой решёткой, он, наверное, сломался ещё в прошлом веке, и никто не спешил его чинить.

Ксения открыла дверь ключом, сделала приглашающий жест. Егор перешагнул порог — и замер.

Квартира была огромной. Высоченные потолки — метра четыре, не меньше — с лепниной и розетками для люстр. Паркетный пол, старый, но идеально натёртый, с тёмным рисунком

«ёлочка». Стены, оклеенные тканью — шёлк или что-то похожее, цвета бордо, с едва заметным золотым узором, который поблёскивал в свете настенных бра.

И везде — книги. В шкафах до потолка, на полках, стопками на полу, даже на подоконниках. Старые, в кожаных переплётах, с золотым тиснением на корешках, на французском, немецком, английском и ещё каких-то языках, которых Егор не узнал.

— Ничего себе, — выдохнул он, оглядываясь. — Это что, музей?

— Это мой дом, — спокойно ответила Ксения. Она уже сбросила туфли (дорогие, на тонком каблуке, но без единой царапины, хотя они только что бежали по дворам) и прошла вглубь комнаты. — Снимай обувь, проходи. Ванная там, если хочешь умыться. Чай, кофе? Или что покрепче?

— Есть что покрепче? — он послушно стянул кроссовки, оставив их у порога, и прошёл за ней.

Она открыла старинный буфет из тёмного дерева с резными дверцами. Внутри, среди хрустальных бокалов, стояли бутылки — виски, коньяк, водка, какие-то ликёры с итальянскими этикетками.

— Виски, — выбрал Егор, поморщившись от боли в рёбрах. — И льда, если можно.

— Лёд в морозилке, — она кивнула на небольшую кухню, отделённую от гостиной аркой. — Холодильник современный, не пугайся.

Он усмехнулся. Современный холодильник в этой квартире-музее смотрелся чужеродно, как космический корабль, приземлившийся в музее истории техники.

Пока он возился со льдом, Ксения налила себе что-то прозрачное в гранёную рюмку — воду или водку, он не разглядел. Она села в кресло с высокой спинкой, обитое тёмным бархатом, и положила ногу на ногу.

Егор опустился на диван напротив. Виски оказался отличным — старым, выдержанным, с дымным послевкусием и лёгкой нотой апельсиновой цедры. Он сделал глоток, чувствуя, как тепло разливается по телу, согревая изнутри, и украдкой рассматривал хозяйку.

При свете торшера (единственного источника света в комнате, если не считать свечей, оплывших на каминной полке) она была ещё красивее, чем на улице. Бледная кожа светилась фарфоровым блеском, чёрные волосы стекали по плечам, как водопад, а тонкие руки с идеальным маникюром (тёмный лак, почти чёрный, с графитовым отливом) спокойно лежали на подлокотниках.

— Спасибо, — сказал он, поднимая стакан. — За спасение.

— За знакомство, — ответила она, чуть улыбнувшись, и опрокинула рюмку одним глотком.

Он смотрел, как движется её горло, и почему-то засмотрелся.

— И давно ты здесь живёшь? — спросил он, чтобы## молчание.

— Давно, — уклончиво ответила она. — Очень давно.

— А где деньги на такую квартиру берёшь? — он не хотел звучать грубо, но любопытство пересиливало. — Или это наследство от богатеньких родственников?

— Что-то вроде того, — она откинулась на спинку, не отводя от него взгляда. — Я художник. Пишу картины. Иногда продаю.

— Художник? — он удивился. — Вон те книги на французском — ты читаешь в оригинале?

— И на французском, и на немецком, и на итальянском, — спокойно перечислила она. — И немного на древнегреческом.

— Серьёзно?

— Абсолютно.

Он смотрел на неё и не мог понять: то ли она шутит, то ли говорит правду. В её глазах не было ни хвастовства, ни желания произвести впечатление — только спокойная констатация факта.

— Ты вообще странная, — сказал Егор, отставляя стакан. — Появляешься из ниоткуда, исчезаешь в никуда. Спасает меня от гопников, от полиции. У тебя руки ледяные, а бегаешь ты быстрее Усэйна Болта. И живёшь в такой квартире, которая стоит, наверное, миллионы долларов, но тут нет ни телевизора, ни компьютера, ни даже нормального света — одни свечи и этот жуткий торшер.

— Жуткий? — она приподняла бровь. — Мне он всегда нравился.

— Вот именно, — усмехнулся он. — Тебе нравится мрак, свечи, старые книги. Ты вообще человек?

Вопрос повис в воздухе. Ксения замерла — всего на секунду, но он заметил. В её глазах мелькнуло что-то опасное, холодное, и тут же исчезло, сменившись обычным спокойствием.

— А ты всегда такой прямой? — спросила она вместо ответа.

— А ты всегда такая загадочная?

— Иногда.

— Ну вот, — он развёл руками. — Мы квиты.

Она усмехнулась — впервые за вечер усмехнулась по-настоящему, не той холодной маской, а тёплой, почти человеческой улыбкой. Уголки губ дрогнули, и на секунду Егору показалось, что он видит не загадочную незнакомку, а обычную девушку, которая просто устала притворяться.

— Ты забавный, Егор, — сказала она. — Давно я не встречала таких... живых.

— Живых? — переспросил он. — Странное слово.

— Самое точное, — она сделала глоток из рюмки. — Ты очень живой. Горячий. Яркий. Твоя энергия... она чувствуется даже на расстоянии.

— Это комплимент?

— Это наблюдение.

Он допил виски, поставил стакан на стол. Голова всё ещё гудела, но алкоголь и тепло квартиры сделали своё дело — боль притупилась, уступив место странному, почти уютному спокойствию. Он смотрел на неё — на её бледное лицо в полумраке, на тени, играющие на острых скулах, на длинные чёрные волосы, стекающие по плечам.

Красивая. Чёрт, какая же она красивая. Не той пластиковой красотой, которую штампуют инстаграмные модели, а какой-то древней, породистой, опасной. Как лезвие кинжала в красивых ножнах.

— А ты? — спросил он. — Ты живая?

Вопрос повис в тишине. Где-то за окном проехала машина, в соседней квартире скрипнула дверь, но здесь, в этой комнате, замерло всё.

— Сложный вопрос, — наконец ответила она. — Я... существую. Наверное, это самое точное слово.

— Существоешь, — повторил он. — Как призрак?

— Как память, — она чуть склонила голову. — Как старая фотография. Как запах в пустой комнате.

— Поэтично, — усмехнулся он. — Но непонятно.

— Не всё в мире должно быть понятно, Егор, — она поднялась, подошла к камину. В камине не горело, но на полке стояли подсвечники с оплывшими свечами, и их огоньки отражались в её глазах. — Некоторые вещи лучше просто принимать такими, какие они есть.

— А если я не умею просто принимать? — он тоже встал, шагнул к ней. — Если мне нужно знать?

— Тогда ты будешь страдать, — она обернулась, и в её взгляде мелькнуло предупреждение. — Знание часто приносит боль.

— Я готов рискнуть.

Они стояли друг напротив друга. Между ними было не больше метра. Егор чувствовал исходящий от неё холод — не от тела, а от всего её существа, от этой странной, нечеловеческой ауры. Но вместе с холодом он чувствовал и что-то другое — притяжение, почти физическое, как будто между ними натянулась невидимая нить.

— Ты пахнешь... — начала она и осеклась.

— Чем? — спросил он.

— Жизнью, — тихо ответила она. — Кровью. Адреналином. Ты такой горячий, такой настоящий. Я забыла, как это бывает.

— Так вспомни, — сказал он.

И шагнул к ней.

Она не отшатнулась. Не отодвинулась. Только смотрела на него своими огромными глазами, в которых горел странный внутренний свет — не отражение свечей, а что-то своё, глубинное.

Егор протянул руку и коснулся её лица.

Кожа была ледяной. Совершенно ледяной, как у покойницы. Но в этом холоде не было отвращения — только странное, почти болезненное очарование. Ему захотелось согреть её, вдохнуть в неё жизнь, заставить эти глаза сиять по-настоящему, а не тем потусторонним огнём.

— Ксения... — выдохнул он.

— Ты не понимаешь, что делаешь, — прошептала она, но не отодвинулась.

— Понимаю.

— Ничего ты не понимаешь.

— Тогда объясни.

Она молчала. Только смотрела на него, и в её взгляде смешались голод, страх и что-то ещё, очень древнее и очень человеческое — тоска.

— Я опасна, Егор, — наконец сказала она. — Опаснее, чем ты можешь представить.

— Ты меня спасла. Трижды.

— Это ничего не значит. Иногда опаснее всего те, кто спасает.

— Философия, — усмехнулся он. — А по факту?

— По факту — тебе лучше уйти.

— А если не уйду?

Она смотрела на него долго, очень долго. Потом вдруг шагнула вперёд сама — и прижалась к нему.

Холод пронзил его насквозь. Егор вздрогнул, но не отшатнулся, а обнял её, прижимая к себе, пытаясь согреть своим телом. Она была такая лёгкая, почти невесомая — словно состояла не из плоти и крови, а из дыма и сандаловой древесины.

— Господи, — выдохнул он в её волосы, — ты совсем ледяная.

— Я всегда такая, — глухо ответила она. — Всегда.

— И давно?

— Очень давно.

Его руки скользнули по её спине, чувствуя под тонким шёлком платья идеальную фигуру — тонкую талию, острые лопатки, изгиб позвоночника. Она не двигалась, только прижималась к нему, и он чувствовал, как дрожит её тело — мелкой, едва заметной дрожью.

— Что с тобой случилось? — спросил он. — Кто ты?

— Не спрашивай, — шепнула она. — Пожалуйста, не спрашивай. Не сейчас.

- А когда?
- Никогда. Просто прими.
- Я не могу принять то, чего не понимаю.
- Тогда уходи.
- Я не уйду.

Она отстранилась, посмотрела ему в глаза. В её взгляде было что-то странное — может, обречённость, может, надежда. Трудно разобрать в полумраке, когда вокруг только свечи и тени.

- Ты упрямый, — сказала она.
- Я настойчивый. Это разные вещи.
- Какая разница?
- Упрямый — это глупый. Настойчивый — это который добивается своего.
- И чего ты хочешь добиться?
- Тебя, — сказал он прямо.

Она замерла. А потом вдруг улыбнулась — впервые за вечер улыбнулась открыто, без тени той холодной маски, которую носила всё время. Улыбка вышла странной — усталой, светлой, почти детской.

- Сумасшедший, — сказала она. — Ты сумасшедший, Егор.
- Знаю, — согласился он. — Но тебе ведь это нравится.
- Откуда такая уверенность?
- Ты до сих пор меня не выгнала.

Она рассмеялась. Смех оказался тихим, хрустальным, чуть хриловатым — и таким красивым, что у Егора перехватило дыхание. В этом смехе не было ничего вампирического или потустороннего — только обычная девчонка, которая забыла, когда последний раз смеялась по-настоящему.

- Ладно, — сказала она. — Оставайся. Но предупреждаю: утром я могу исчезнуть.
- А я могу найти тебя снова.
- Не найдёшь.
- Найду.
- Самонадеянный.
- Целеустремлённый.

Она покачала головой, но в глазах плясали искорки — то ли отражение свечей, то ли что-то другое, более живое.

- Идём, — сказала она. — Покажу тебе комнату. Тебе нужно отдохнуть.
- А ты?
- А я посижу. Я не сплю по ночам.
- Бессонница?
- Что-то вроде.

Она провела его по коридору, мимо ещё одной комнаты, битком набитой книгами, и открыла дверь в спальню.

Комната оказалась небольшой, но очень уютной. Огромная кровать под балдахином из тяжёлого бархата, старинный комод с мраморной столешницей, туалетный столик с зеркалом в резной раме. И снова — свечи, книги на прикроватной тумбочке, полумрак.

— Располагайся, — сказала Ксения. — Ванная за той дверью. Полотенца в шкафу.

— Спасибо, — Егор повернулся к ней. — За всё. За сегодняшнюю ночь. За спасение. За то, что не выгнала.

— Не благодари, — она отвела взгляд. — Я не заслуживаю благодарности.

— Это мне решать.

Она посмотрела на него долгим взглядом. В полумраке спальни её глаза казались бездонными — чёрными, тёмными, как сама ночь.

— Спи, Егор, — тихо сказала она. — Завтра будет новый день.

— Ты будешь здесь? — спросил он.

Она не ответила. Только улыбнулась — странно, грустно, как улыбаются тем, кого, возможно, видят в последний раз.

— Спокойной ночи, — сказала она и вышла.

Егор стоял посреди незнакомой спальни, слушал, как затихают её шаги, и чувствовал, как внутри разрастается странное тепло — несмотря на ледяной холод, который она оставила после себя.

Он не знал, кто она. Не знал, что с ней случилось, почему у неё такие холодные руки и почему она так странно говорит о времени. Но знал одно: он не уйдёт. Не сейчас. Не после всего.

Он лёг на кровать, не раздеваясь, и провалился в сон почти мгновенно — сказала усталость, адреналин, виски. Последняя мысль, промелькнувшая в голове, была о её глазах — тёмных, бездонных, с золотыми искрами глубоко на дне.

Утром, проснувшись от яркого света, пробивающегося сквозь щели в шторах (Ксения забыла или не захотела их задёргивать?), он понял, что в квартире пусто.

В комнате было тихо — неестественно тихо для старого московского дома, где обычно слышны шаги соседей, шум воды в трубах, детский плач или лай собак. Здесь стояла абсолютная, почти вакуумная тишина.

— Ксения? — позвал он, садясь на кровати.

Ни звука.

Он прошёл в гостиную — пусто. Заглянул в ванную — пусто. На кухне — никого. Только чашка с ещё тёплым чаем (для него?) стояла на столе, и рядом — листок бумаги.

Белый, плотный, с неровными краями — будто вырванный из старого блокнота. Почерк красивый, старомодный, с завитками и нажимом.

«Егор.

Прости. Я не должна была этого допускать. Ты хороший, тёплый, настоящий. Но я — это ошибка. Ошибка природы, ошибка судьбы, ошибка всего, что только можно.

Ты заслуживаешь нормальной жизни. С нормальной девушкой. Которая спит по ночам, у которой бьётся сердце и которая не думает о том, как бы не убить тебя.

Не ищи меня. Это была ошибка. Спасибо за ночь.

Ксения».

Он перечитал записку три раза. Потом ещё раз, медленно, вдумываясь в каждое слово.

— Не ищи меня, — повторил он вслух. — Это была ошибка.

Уголок его губ дрогнул. Он усмехнулся, потом рассмеялся — тихо, но твёрдо.

— Дура, — сказал он пустой комнате. — Какая же ты дура, Ксения.

Он свернул записку, сунул в карман джинсов и вышел в коридор. На лестничной площадке было тихо — ни звука, ни запаха. Только пыль и старые обои, которые помнили, наверное, ещё царя.

Он спустился во двор, огляделся. Дом был тот же — сталинская высотка с лепниной, но теперь, при свете дня, он выглядел не таким таинственным. Обычный дом. Обычный двор. Обычные бабушки на лавочках.

Только одного не было — её.

— Я найду тебя, — пообещал он пустоте. — Обязательно найду.

Солнце светило в глаза, и Егор зажмурился. В голове стучало, рёбра ныли, ладони саднили. Но внутри горел огонь — не тот, что от алкоголя, а другой. Азарт. Злость. И какая-то странная, почти детская вера, что он справится.

Он вышел со двора, поймал такси и назвал адрес своей квартиры в «Москва-Сити». Всю дорогу смотрел в окно, запоминал повороты, названия улиц, ориентиры. Покровский бульвар, дом 14/5. Он запомнит. Он вернётся.

Водитель такси, молодой парень с нашейной татуировкой, несколько раз косился на него в зеркало заднего вида — помятый, с синяком на скуле, в джинсах, перепачканных пылью и, кажется, кровью.

— Вы в порядке, мужик? — спросил он.

— В полном, — ответил Егор. — Вези.

Он достал телефон. Пять пропущенных от Ника, три сообщения: «Ты где?», «Ты жив?», «Егор, блин, ответь!»

Набрал ответ: «Жив. Позже расскажу».

Нажал отбой и уставился в окно. Москва проплывала мимо — стекло и бетон, реклама и пробки, миллионы людей, которые не знали, что в одном из старых домов на Покровке живёт женщина с ледяными руками и тёмными глазами.

Женщина, которая спасла ему жизнь.

Женщина, которую он теперь ни за что не отпустит.

— Игра началась, Ксения, — прошептал он, когда такси свернуло к башням «Москва-Сити». — И я выиграю.

Он не знал, как будет искать. Не знал, что скажет, когда найдёт. Но знал одно — он не успокоится, пока не увидит её снова.

Потому что такие женщины не исчезают просто так.

Потому что ночь, проведённая в её доме, изменила что-то внутри — что-то важное, что нельзя объяснить словами.

Глава 3

Квартира Егора в «Москва-Сити» встретила его тишиной и стерильным порядком.

Он вошёл, захлопнул дверь, прислонился спиной к прохладной поверхности и просто стоял так несколько минут, глядя в одну точку. Наваждение. Всё, что случилось этой ночью, казалось сном — слишком странным, слишком нереальным, чтобы быть правдой. Бас клуба, драка, побег, её глаза, её квартира, пахнувшая сандалом и старыми книгами. И утро — пустая комната и записка, которую он всё ещё сжимал в кармане.

Он достал листок, развернул, перечитал в сотый раз.

«Не ищи меня. Это была ошибка».

— Дура, — повторил он вслух, но в голосе уже не было злости — только усталость и странная, щемящая нежность. — Какая же ты дура.

Он прошёл в ванную, встал под душ. Горячая вода обжигала разодранные ладони, стекала по синякам на рёбрах, смывала пыль и чужую кровь. Он стоял, закрыв глаза, и прокручивал в голове каждую секунду их разговора. Её голос — низкий, с хрипотцой. Её улыбка — холодная и вдруг тёплая. Её прикосновения — ледяные, но такие, от которых по коже бежали мурашки.

«Ты пахнешь жизнью», — сказала она.

Он не знал, что это значит. Но знал, что готов узнать.

Выйдя из душа, он налил себе виски — теперь уже не для удовольствия, а чтобы успокоить нервы. Сделал глоток, поморщился: вкус показался пресным после того, что он пил у неё. Или дело было не в виски?

Он заставил себя думать рационально. Она сказала, что живёт на Покровском бульваре. Дом с лепниной, подъезд с кованой дверью, третий этаж. Он запомнил дорогу? Кажется, да. Нужно проверить.

Но сначала — звонок Нику.

— Ты живой, ёлки-палки! — заорал друг в трубку после первого же гудка. — Я уже хотел в морг звонить!

— Живой, — Егор усмехнулся. — Почти.

— Где ты был? Тебя менты не замели? Я убежал, а ты остался, я потом вернулся, но тебя уже не было!

— Меня спасли, — сказал Егор, чувствуя, как внутри что-то тёплое разливается от этих слов. — Та девушка. Из клуба.

— Та, бледная? — Ник присвистнул. — Вампирша?

— Не называй её так.

— А чего? Она реально похожа. Ладно, не важно. Ты где сейчас?

— Дома. Давай встретимся, расскажу.

— Через час в «Агате»? — предложил Ник.

— Нет, — Егор поморщился. — В нормальном месте. В баре на Патриках.

— Договорились.

Бар на Патриарших прудах назывался «Май» — модное место с живой музыкой по вечерам, но днём там было тихо и почти пусто. Егор заказал себе чёрный кофе (алкоголь больше не лез) и сел за столик у окна. Ник примчался через двадцать минут, взъерошенный, в мятых джинсах и футболке с принтом группы «The Cure».

— Выглядишь как после апокалипсиса, — сказал он, плюхаясь напротив. — Синяк на скуле — это красиво. И рёбра не сломаны?

— Вроде нет, — Егор потрогал бок — нило, но терпимо. — Отделался ушибами.

— Рассказывай.

Егор рассказал. Всё, кроме самого странного — кроме того, как она смотрела на него, и того, что он почувствовал, когда стоял в её гостиной среди книг и свечей. И конечно, не сказал про записку с её странными словами: «которая не думает о том, как бы не убить тебя».

— И она просто исчезла? — Ник откинулся на спинку стула. — Оставила записку «не ищи меня»?

— Да.

— И ты, конечно, будешь искать.

Утверждение, не вопрос.

— Буду, — ответил Егор.

— Где? Ты даже адреса не знаешь.

— Знаю. Покровский бульвар. Старый дом с лепниной. Я запомнил.

— Покровский бульвар — это длинная улица, — Ник почесал затылок. — Там десятки старых домов.

— Найду.

— Упрямый баран, — Ник вздохнул, но в глазах его мелькнуло что-то вроде уважения. — Ладно. Если нужна помощь — звони. Но предупреждаю: если она окажется сектанткой или мошенницей, я скажу «я же говорил».

— Договорились.

После разговора с Ником Егор поехал на Покровский бульвар.

Солнце уже клонилось к закату, окрашивая старые дома в золотисто-красные тона. Он прошёл пешком от Чистых прудов до Покровки, вглядываясь в каждый фасад, в каждую дверь. Дом с лепниной, подъезд с кованой дверью. Третий этаж.

Он нашёл его почти сразу.

Высокое жёлтое здание с балконами и лепниной, которое он помнил по вчерашнему бегству. Вот та самая арка, вот двор-колодец, вот подъезд с кованой решёткой на двери.

— Точно, — прошептал он и толкнул дверь.

Дверь не поддавалась.

Он подёргал сильнее — закрыто. Кодовый замок? Домофона не было. Он осмотрел косяк — кнопка звонка, старая, с облупившейся краской, но без таблички с фамилиями.

Нажал. Тишина.

Нажал ещё раз — долго, с паузой. Ни звука.

— Ксения! — крикнул он в щель между дверью и косяком. — Это я, Егор! Открой!

Ответа не было. Только шум проезжающих машин и голоса прохожих.

Он отступил на шаг, задрал голову. Окна на третьем этаже были закрыты плотными шторами — или ему показалось? На других этажах шторы были обычные, лёгкие, а на третьем — тяжёлые, тёмные, не пропускающие света.

— Ты здесь, — сказал он тихо. — Я знаю, что ты здесь.

Он постоял ещё минут десять, потом всё же ушёл. Но ушёл с твёрдым намерением вернуться. И вернулся — на следующий день, и через день, и ещё через день.

Каждый раз — одна и та же картина: закрытая дверь, тишина, никаких признаков жизни.

На четвёртый день он заметил странность.

Он приехал вечером, как обычно, подошёл к знакомому подъезду — и не узнал его. Дверь была другой. Старой, покрашенной зелёной краской, без кованой решётки. Рядом — домофон с табличками фамилий. Никакой лепнины на фасаде. Дом выглядел... обычным.

— Этого не может быть, — пробормотал Егор.

Он отступил, посмотрел на здание целиком. Да, это был тот самый дом — угол, балконы, этажность. Но подъезд... подъезд исчез.

Он обошёл дом вокруг — четыре подъезда, ни одного с кованой дверью. Вывеска на первом подъезде: «ООО Рембытсервис». Никакой магии. Только проза жизни.

— Ксения, — прошептал он, чувствуя, как внутри закипает злость пополам с отчаянием. — Что ты делаешь?

Он сел на скамейку во дворе и долго сидел, глядя на окна. В голове вертелись её слова: «Я опасна», «тебе лучше уйти», «не ищи меня».

Но там было и другое: «Ты пахнешь жизнью», «Ты очень живой, горячий, яркий», и та улыбка — тёплая, усталая, почти счастливая.

— Так просто ты не отделаешься, — сказал он пустоте.

Он решил действовать по-другому.

Вместо того чтобы ломиться в закрытую дверь, он начал искать её через знакомых. Вспомнил, что она упомянула: «Я художник». Может быть, у неё есть студия, выставки, галереи?

Интернет не дал ничего. Ни одной страницы в соцсетях, ни одного упоминания имени «Ксения Демникова» (он нашёл это имя в почтовом ящике на лестничной клетке в тот первый раз, когда был у неё — крошечная табличка на двери: «К.С. Демникова»). Ни одной фотографии. Как будто её не существовало вовсе.

Он нанял частного детектива — того самого Сергея Петровича, с которым работал по старому делу.

— Мне нужна женщина, — сказал Егор, сидя в его кабинете. — Ксения Демникова. Примерно двадцать пять лет, живёт на Покровском бульваре. Художник.

— Фото есть? — деловито спросил детектив.

— К сожалению, нет. Но я опишу.

Описал. Бледная, черные волосы, глаза тёмные, очень красивая. Квартира, похожая на музей, старые книги, никаких гаджетов.

— Станный типаж, — заметил Сергей Петрович. — Но я попробую пробить по базам. Через два дня он перезвонил.

— По базам Ксения Демникова не числится, — сказал он. — Ни паспорта, ни прописки, ничего. Как будто её не существует.

— А квартира? — спросил Егор, хотя уже знал ответ.

— Квартира, которую ты описал, оформлена на некоего Демникова Сергея Владимировича, 1880 года рождения. Умер в 1918-м. С тех пор она числится бесхозной, но коммунальные платежи регулярно оплачиваются — наличными, через банк. Кто платит — неизвестно.

— Но адрес-то тот же?

— По документам — да. Но, Егор, — детектив понизил голос, — я посылал своего человека на место. Говорит — нет такого подъезда. Там, где по документам должен быть подъезд №3, глухая стена. Ты уверен, что был именно там?

— Уверен, — ответил Егор и положил трубку.

Он почти поверил, что сходит с ума.

Если бы не записка. Если бы не синяки на рёбрах. Если бы не запах сандала, который всё ещё чудился ему в подушках.

На пятый день он решил вернуться в клуб «Агата».

Возможно, она там. Возможно, она тоже ищет его. Или просто приходит туда, потому что это место что-то для неё значит.

Клуб жил своей ночной жизнью — те же огни, та же музыка, те же красивые лица. Егор приехал пораньше, встал у входа, у той самой тумбы, где впервые её увидел. Курил, пил кофе из автомата, смотрел на толпу.

На второй час он заметил Ника. Тот пришёл с какой-то новой девушкой, увидел Егора, удивился, но ничего не сказал — только пожал плечами и ушёл внутрь.

Егор стоял. Он стоял в час ночи, и в два, и в три. Толпа редела, швейцар начинал зевать, музыка стихала. В четыре он уехал — разбитый, злой, без результата.

На следующий вечер повторил. И на следующий. И ещё.

На четвёртую ночь он почти потерял надежду. Стоял, прислонившись к той самой бетонной тумбе, и думал: «А была ли она вообще? Может, у меня сотрясение? Может, мне показалось?»

И вдруг — запах.

Сандал. Тонкий, едва уловимый, но такой родной, что у него перехватило дыхание.

Он резко обернулся.

Она стояла в трёх метрах, у противоположной тумбы — той, где он впервые увидел её. В том же чёрном платье, с теми же распущенными волосами. Курила, глядя в небо, как тогда.

Будто и не уходила. Будто прошло не пять дней, а пять секунд.

— Ксения, — сказал он, и голос его дрогнул.

Она медленно перевела взгляд на него. В глазах — усталость, тоска и... облегчение? Совсем чуть-чуть, но он заметил.

— Ты здесь, — сказала она. — Я знала.

— Знала? — он сделал шаг к ней, но она не отступила. — Знала и не выходила? Ты меня за идиота держишь?

— Нет, — она покачала головой. — Я держу тебя за человека, который должен был просто забыть меня.

— Не забыл.

— Вижу.

Она бросила окурок в урну, поправила волосы. В свете клубной вывески её лицо казалось ещё бледнее, ещё тоньше, ещё нереальнее.

— Не надо было приходить, Егор, — тихо сказала она. — Я же написала — ошибка.

— А я не умею принимать такие ответы, — он стоял напротив, чувствуя, как колотится сердце (слишком часто, слишком громко). — Ты спасла мне жизнь. Дважды. И исчезла, как привидение. Думаешь, я смогу просто взять и забыть?

— Должен.

— Не могу.

Она смотрела на него долгим взглядом, и в глазах её боролись страх и нежность, желание оттолкнуть и желание притянуть.

— Что ты хочешь от меня? — спросила она.

— Правду, — сказал он. — Кто ты? Почему у тебя такие холодные руки? Почему ты бегаешь быстрее спортсмена и знаешь все дворы, как свои пять пальцев? Почему твоя квартира исчезает днём? И почему ты сказала «которая не думает о том, как бы не убить тебя»?

Она вздрогнула, услышав последнюю фразу.

— Ты запомнил это, — не спросила, утвердила.

— Каждое слово, — ответил он.

— Глупо, — покачала головой она. — Очень глупо.

— Может быть. Но я хочу знать.

Ксения огляделась по сторонам — толпа у входа уже почти рассосалась, остались только самые стойкие тусовщики и пара курящих девушек. Потом посмотрела на него, и в её взгляде мелькнуло что-то новое — решимость.

— Не здесь, — сказала она. — И не сейчас. Но если ты готов... приходи завтра.

— Куда?

Она назвала адрес — другой, не Покровский бульвар. Улица Мясницкая, старый доходный дом, студия.

— Приходи в полночь, — сказала она. — Я расскажу. Но предупреждаю: тебе может не понравиться то, что ты услышишь.

— Мне уже не нравится, что ты исчезаешь, — ответил он. — Остальное переживу.

Она усмехнулась — горько, устало — и, не прощаясь, развернулась и пошла прочь. Егор смотрел ей вслед, пока чёрный силуэт не растворился в темноте переулка.

Ник, который всё это время стоял у входа и делал вид, что курит, подошёл к нему.

— Ну что? — спросил он. — Нашёл?

— Кажется, да, — ответил Егор, чувствуя, как внутри поднимается странная, опасная радость.

— И чё она сказала?

— Сказала, что расскажет правду.

— Правду? — Ник усмехнулся. — Какую правду? Что она инопланетянка?

— Не знаю, — Егор посмотрел на друга. — Но завтра узнаю.

На Мясницкую он приехал ровно в полночь.

Дом оказался старым, дореволюционным, с массивными дверями и высокими окнами. Подъезд — широкий, с мраморным полом и лифтом в кованой решётке. Он поднялся на четвёртый этаж, постучал в дверь с табличкой «Студия 12».

Дверь открылась почти сразу.

Ксения стояла на пороге — в джинсах и чёрном свитере, с собранными в низкий хвост волосами. Без макияжа она выглядела моложе, уязвимее, но глаза были всё те же — бездонные, тёмные.

— Заходи, — сказала она. — Только обещай: не бояться.

— Я уже ничего не боюсь, — соврал он.

Она пропустила его внутрь, и он оказался в мастерской.

Студия была огромной — метров пятьдесят, не меньше. Высокие потолки, огромные окна, заклеенные матовой плёнкой. Вдоль стен — мольберты, незаконченные холсты, банки с кистями. В центре — большой рабочий стол, заваленный эскизами.

И картины. Много картин.

Они стояли везде — на полу, на стенах, прислонённые к стульям. И все они были... странными. Тёмными. Глубокими. На некоторых — ночные улицы, на других — портреты людей с пустыми глазами, на третьих — абстрактные пятна, которые, если вглядеться, складывались в лица, фигуры, сцены.

— Ты это всё написала? — спросил он.

— Да, — ответила она. — За много лет.

— Сколько лет?

— Сядь, — она показала на старый диван у стены. — И слушай.

Он сел. Она села напротив, в кресло, обхватив колени руками.

— Помнишь, ты спросил, живая ли я? — начала она. — Я ответила, что существую. Это правда. Я существую. Но не так, как ты.

— В каком смысле?

Она посмотрела ему прямо в глаза — и он увидел, как что-то меняется в её лице. Зрачки расширились, заполнили почти всю радужку, и в этой черноте зажглись золотые искры.

Егор замер.

— Я не человек, Егор, — сказала она тихо. — Я вампир.

Он ждал чего угодно — шизофрении, розыгрыша, странной болезни. Но не этого. Слово «вампир» прозвучало так нелепо, так по-киношному, что он невольно усмехнулся.

— Серьёзно? — спросил он. — Вампир? В Москве? В двадцать первом веке?

— Я знаю, как это звучит, — она не отвела взгляда. — Но это правда. Меня обратили в 1885 году. В Петербурге. С тех пор я пью кровь, боюсь солнца и не старею.

— Докажи, — потребовал он.

Она не стала спорить.

Она встала, подошла к нему, закатала рукав свитера. На её левом запястье, на внутренней стороне, был шрам — странный, в виде двух точек, как от клыков.

— Это след укуса, — сказала она. — Моего создателя.

Потом она взяла со стола маленький нож для бумаги и, не дрогнув, провела по своей ладони. Чёрная кровь выступила на порезе — густая, тёмная, почти не текущая. Рана затянулась прямо на глазах, пока Егор смотрел.

— Человеческая так не заживает, — заметила она.

— И не пахнет, — добавил он. Потому что из пореза потянуло тем самым запахом — сандалом, кровью, сталью.

Он откинулся на спинку дивана, чувствуя, как мир плывёт. Хотелось выпить. Или закурить. Или выбежать вон.

Но он остался.

— Ты боишься? — спросила Ксения.

— Да, — честно ответил он. — Но не тебя.

— А чего?

— Того, что это правда, — сказал он. — Потому что если это правда, то моя обычная жизнь кончилась. А я к этому не готов.

— А если это правда, — она села рядом, взяла его за руку (ледяную, как всегда), — ты готов начать новую?

— С тобой? — спросил он.

— Со мной.

Он смотрел на неё — на её бледное лицо, на тёмные глаза, на тонкие губы. На шрам на запястье, на чёрную кровь, которая уже засохла, не оставив следа.

— Да, — сказал он. — Готов.

Она улыбнулась — впервые за весь разговор улыбнулась светло, почти счастливо.

— Тогда слушай дальше, — сказала она. — Потому что это только начало.

Глава 4

Студия на Мясницкой дышала тишиной.

После того как Ксения провела ножом по ладони, показала чёрную кровь и заживающую на глазах рану, Егор перестал сомневаться. Он сидел на старом диване, сжимая в пальцах край потёртого плюша, и пытался переварить то, чего не могло быть.

Вампир. Настоящий вампир. Не из фильмов, не из книг, не из страшных историй, которые рассказывают у костра. А живой, дышащий (или не дышащий? Он не заметил, дышит ли она вообще), сидящий напротив него на расстоянии вытянутой руки.

Она ждала. Не торопила, не давила, не пыталась оправдаться или объяснить что-то ещё. Просто смотрела на него своими тёмными глазами, в которых золотые искры уже погасли, уступив место усталости и какой-то древней, выжженной тоске.

— Сколько тебе лет? — спросил Егор, нарушая молчание.

— Сто тридцать семь, — ответила она. — По человеческому счёту.

— А по вампирскому?

— Не считают, — она чуть усмехнулась. — Мы считаем годами голода, годами покоя, годами одиночества. Сто тридцать семь — это много. Но есть и старше.

— Ты говорила про создателя. Кто он?

— Его звали Велеслав, — в её голосе появилась сталь. — Он из древнего рода. Обратил меня, когда мне было семнадцать. Почти насильно. Я была глупой девочкой, влюбилась в красивого незнакомца, а он оказался монстром. Не в переносном смысле.

— И что было потом?

— Потом? — она горько усмехнулась. — Потом были годы рабства. Он учил меня быть вампиром — через боль, унижения, голод. Заставлял охотиться на людей, пить кровь, убивать. Я ненавидела себя. Ненавидела его. Но вырваться не могла — он контролировал меня, подавлял волю.

— Как ты сбежала?

— Дождалась, когда он ослаб после Большой Охоты, и просто ушла. Бежала три дня и три ночи без остановки. Спряталась в другом городе, потом в другом, потом в третьем. Меняла имена, внешность, привычки. Училась контролировать голод. Училась жить среди людей, не выдавая себя.

— И он не нашёл тебя?

— Нашёл, — она отвела взгляд. — Уже здесь, в Москве. Он — член Совета старейшин, у него власть, связи, деньги. Он требует, чтобы я вернулась в клан. Но я не вернусь.

— А если заставят?

— Пусть попробуют, — она посмотрела ему прямо в глаза. — Я старая и сильная. Меня не заставить силой. Но они могут навредить тем, кто мне дорог.

Егор понял, о чём она. О нём.

— Поэтому ты хотела, чтобы я ушёл? — спросил он. — Поэтому написала «не ищи меня»?

— Поэтому, — кивнула она. — Ты — человек. Уязвимый, смертный. Для них ты — еда, игрушка, развлечение. Они не остановятся.

— А для тебя?

— Для тебя я... — она запнулась, подбирая слова. — Я не знаю, что ты для меня. Но знаю, что не хочу тебя терять. И боюсь, что из-за меня ты страдаешь.

— Это мой выбор, — сказал он. — Быть рядом с тобой.

— Глупый выбор.

— Может быть. Но это мой выбор.

Она рассказывала дальше.

Про вампирское общество — кланы, Советы, законы. Про то, что одиночки вроде неё находятся под постоянным наблюдением. Про то, что Велеслав использует любую возможность, чтобы заставить её подчиниться.

— Есть лазейка, — сказала она. — Если я создам потомство — обращу человека в вампира, — то получу право на защиту клана. Моё творение станет моей семьёй, моей ответственностью. Совет не сможет разлучить нас без веской причины.

— И ты хочешь кого-то обратить? — спросил Егор, хотя сердце уже подсказывало ответ.

— Нет, — быстро ответила она. — Не хочу. Не хочу превращать кого-то в такое же чудовище. Это проклятие, Егор. Не дар.

— А если я попрошу?

Она замерла.

— Ты не понимаешь, что говоришь.

— Понимаю, — он подался вперёд. — Я понимаю, что если не стану таким, как ты, то состарюсь и умру. А ты останешься. Понимаю, что Велеслав рано или поздно придёт, и я не смогу тебя защитить. Понимаю, что единственный способ быть с тобой — это стать одним из вас.

— Это больно, — тихо сказала она. — Очень больно. И необратимо.

— Я готов.

— Ты не готов, — она покачала головой. — Ты даже не знаешь, что такое вампирский голод. Это не просто желание есть. Это безумие. Оно затмевает разум, превращает в зверя. Я убивала, Егор. Много раз. И до сих пор боюсь, что не смогу остановиться.

— Но ты останавливаешься.

— Пока да. Но гарантии нет.

Он хотел возразить, но она подняла руку, останавливая его.

— Хватит на сегодня, — сказала она. — Ты узнал достаточно. Иди домой. Подумай. Если захочешь вернуться — возвращайся.

— А если ты снова исчезнешь?

— Не исчезну, — она посмотрела ему в глаза. — Обещаю.

Он вернулся домой под утро, но не мог уснуть.

В голове крутились обрывки её рассказа — Петербург, 1885 год, Велеслав, кровь, голод, одиночество. Он пытался представить, каково это — жить больше века, видеть, как умирают все, кого ты знал, и оставаться одной в мире, который постоянно меняется.

И всё равно — она не сломалась. Сбежала от своего создателя, выжила, научилась контролировать себя. Нашла себя в искусстве, обрела свой угол в Москве.

Он смотрел в потолок и думал: «А я бы смог?»

Смог бы отказаться от солнца, от нормальной еды, от возможности завести детей? Смог бы жить вечно, зная, что все, кого ты любишь, умрут? Смог бы пить кровь, бороться с голодом, скрываться от охотников?

Не знал. Но знал другое: он не хочет терять её.

Утром он позвонил Нику.

— Ты в порядке? — спросил друг. — Опять не спал?

— Ник, — сказал Егор, — если я расскажу тебе что-то невероятное, ты поверишь?

— Зависит от того, насколько невероятное.

— Вампиры существуют.

Ник молчал секунд десять.

— Ты серьёзно? — спросил он наконец.

— Абсолютно.

— Та, из клуба? Она вампир?

— Да.

— И ты с ней встречаешься?

— Пытаюсь.

Ник снова замолчал. Потом хмыкнул.

— Знаешь, я всегда говорил, что ты рехнулся. Но в хорошем смысле.

— Спасибо, друг.

— Ладно, — Ник вздохнул. — Если тебе нужна будет помощь — звони. Но я, наверное, не готов к подробностям. Пока.

— Пока.

Он нажал отбой и уставился в потолок.

Вечером он снова был на Мясницкой.

Ксения ждала его. Она была в том же чёрном свитере, сидела за рабочим столом и что-то рисовала — быстрыми, уверенными штрихами. При его появлении подняла голову, и в глазах мелькнуло что-то тёплое.

— Пришёл, — не спросила, утвердила.

— Пришёл.

— И не передумал?

— Нет.

Она отложила кисть, подошла к нему. Остановилась в шаге, заложив руки за спину, как нашкодившая девчонка.

— Я хочу тебе кое-что показать, — сказала она. — Свою коллекцию. Там есть вещи, которые помнят меня ещё человеком.

— Показывай.

Она провела его в дальнюю комнату студии — ту, куда он не заглядывал в прошлый раз. Здесь было теснее, уютнее, пахло старым деревом и воском. На стенах — фотографии в рамках, письма под стеклом, детские рисунки, выцветшие от времени.

— Вот моя мать, — Ксения показала на дагерротип в тяжёлой раме. Красивая женщина в кружевном воротничке, с высоким пучком волос. — Елизавета Петровна. Умерла в 1889-м. Я была на её похоронах — стояла за деревом, не смела подойти. Боялась, что увидит меня и испугается.

— А это мой отец, — она перевела руку на другой портрет. Серьёзный мужчина с усами, в мундире титулярного советника. — Сергей Иванович. Исчезновение дочери сломило его. Он умер через два года после матери. От разрыва сердца, говорили врачи. А я знала — от тоски.

Егор слушал и смотрел. Смотрел на вещи, которые помнили её живой — платье, кринолин, веер, туфельки. На письма, перевязанные атласной лентой, — наверное, любовные.

— Ты скучаешь? — спросил он.

— Иногда, — ответила она. — Но время притупляет всё.

— Даже любовь?

Она повернулась к нему, и в глазах её что-то дрогнуло.

— Любовь — исключение, — тихо сказала она. — Любовь не притупляется. Она либо есть, либо её нет. И она всегда болит. По-разному, но болит.

— Поэтому ты больше никого не любила?

— Поэтому я никого не подпускала, — поправила она. — До тебя.

Они вернулись в мастерскую, сели на диван. Ксения включила торшер — тот самый, с тёмно-красным абажуром, который он видел у неё дома. Свет был мягким, почти интимным.

— Егор, — сказала она, глядя в сторону, — ты правда готов стать вампиром?

— Правда.

— Даже после того, что узнал?

— Тем более после.

— Ты сумасшедший.

— Я знаю, — он улыбнулся. — Ты уже говорила.

— И это ничего не меняет?

— Ничего.

Она смотрела на него долгим взглядом, и он видел, как в её глазах борются страх и надежда.

— Тогда, — она запнулась, — я буду думать. Об обращении.

— Думай. Но недолго.

— У нас есть время? — она горько усмехнулась. — Я — бессмертная. Ты — пока да.

— Тогда давай не тянуть.

Она покачала головой, но в уголках губ заиграла лёгкая улыбка.

— Ты невозможный, Егор Тихомиров.

— Твой невозможный, — поправил он.

Они сидели до утра. Говорили — уже не о вампирах, а о простых вещах. О музыке, о книгах, о том, как изменилась Москва за сто лет. Ксения рассказывала о своих путешествиях — Париж, Рим, Лондон, Венеция. О том, как украдкой наблюдала за людьми в кафе, как рисовала их по памяти, как иногда помогала тем, кто попадал в беду.

— Я не могу спасти всех, — сказала она. — Но иногда могу спасти одного.

— Ты спасла меня, — напомнил он.

— Ты сам себя спас, — возразила она. — Я только помогла убежать.

— Но ты пришла. Дважды.

— Трижды, — поправила она. — Если считать тот вечер у клуба, когда ты подошёл ко мне. Я могла уйти, но осталась.

— Почему?

— Не знаю, — она пожала плечами. — Ты показался мне... другим. Не таким, как все.

— Другим?

— Живым, — она посмотрела ему в глаза. — Настоящим. Не игроком, не охотником за острыми ощущениями, не тем, кто видит во мне игрушку или добычу. Ты просто подошёл и сказал "Привет", будто мы старые знакомые.

— Это был самый глупый подход в моей жизни, — усмехнулся он.

— Но он сработал, — улыбнулась она.

Перед рассветом она проводила его до двери.

— Завтра приходи снова, — сказала она. — Я покажу тебе свой мир. Настоящий.

— А он не опасен?

— Всё опасно, — ответила она. — Но с тобой я буду осторожна.

Она поцеловала его — легко, невесомо, в щёку. И исчезла за дверью, оставив его с запахом сандала и обещанием новой встречи.

Егор спустился по лестнице, вышел на Мясницкую. Город только просыпался — первые лучи солнца золотили крыши, воздух был свеж и прозрачен.

Он шёл пешком, не вызывая такси, и думал.

Вампиры. Кровь. Бессмертие. Велеслав. Обращение.

Слова, которые ещё вчера были для него выдумкой, сегодня стали реальностью. Ему предстояло сделать выбор, от которого зависела вся его жизнь — и смерть.

Но он уже знал, что выберет.

Потому что она стоила того.

Потому что любовь, которая не боится ни времени, ни смерти, — это единственное, что имеет смысл.

Он улыбнулся и ускорил шаг. Впереди была новая ночь.

Глава 5

Егор проснулся от того, что солнце било прямо в глаза.

Он зажмурился, перевернулся на живот и уткнулся лицом в подушку. Голова была тяжёлой — не то чтобы болела, но мысли ворочались медленно, как камни в воде. Вчерашний день — или уже сегодняшний? — закончился на Мясницкой, у её студии, с поцелуем в щёку и запахом сандала.

Он сел на кровати, потёр лицо.

— Вампиры, — сказал он вслух, проверяя слово на вкус. — Настоящие вампиры.

Внутри всё ещё был страх — не панический, а глубокий, животный, тот, который не уходит, даже когда разум принимает новую реальность. Но рядом со страхом жило и другое — любопытство, азарт, и какое-то странное, почти детское чувство, будто он стоит на пороге невероятного приключения.

Он встал, принял душ, побрился. Выбрал одежду попроще — джинсы, чёрную футболку, лёгкую куртку. Не для клуба, но и не для офиса. Для ночи.

Звонок от Ника застал его за завтраком — кофе и тост с авокадо, который он почти не чувствовал.

— Ну что? — спросил друг. — Сегодня опять на свидание с вампиршей?

— Не называй её так, — автоматически ответил Егор.

— А как называть? Ксения? Хорошо. Сегодня опять на свидание с Ксенией?

— Да.

— И где вы теперь? Вампирские клубы? Подземелья?

— Не знаю ещё, — признался Егор. — Она сказала — покажет свой мир.

— Осторожнее, — голос Ника стал серьёзным. — Я, конечно, во всё это не верю до конца, но если там реально опасность... будь готов позвонить.

— Позвоню, — пообещал Егор. — Спасибо.

— Удачи, вампирский ромео.

Он нажал отбой и усмехнулся. «Вампирский ромео». Звучало как название дешёвого сериала.

Ксения ждала его у выхода из метро «Чистые пруды». Она была в длинном чёрном пальто, под которым угадывалось то же шёлковое платье, и в сапогах на плоской подошве — видимо, для манёвренности.

— Привет, — улыбнулась она, и в этой улыбке было что-то новое — менее отстранённое, более живое. — Готов?

— К чему? — спросил он.

— Увидишь.

Она взяла его за руку — и снова этот ледяной холод, от которого мурашки бежали по коже. Но теперь он не отстранялся. Наоборот, сжал её пальцы чуть сильнее, показывая: я здесь, я не боюсь.

Они пошли по бульвару, свернули в переулок, потом в другой. Москва в это время была ещё не совсем тёмной — на западе догорала рыжая полоса заката, но в переулках уже сгустились сумерки.

— Куда мы идём? — спросил Егор.

— В одно место, — уклончиво ответила она. — Ты хотел увидеть мой мир. Вот он.

Они остановились у неприметной двери между двумя магазинами — старая, обитая чёрным дерматином, без вывески, без домофона. Ксения достала ключ, открыла.

— Заходи.

Внутри была лестница, ведущая вниз. Коридор пах сыростью и чем-то ещё — тяжёлым, сладковатым, похожим на ладан или старую кровь.

— Это подвал? — спросил Егор.

— Подвал старого доходного дома, — подтвердила она. — Теперь здесь клуб.

— Для вампиров?

— Для наших, — кивнула она. — Не бойся. Я рядом.

Она толкнула массивную дверь в конце коридора, и Егор шагнул в другое измерение.

Зал был огромным — высокие сводчатые потолки, стены из красного кирпича, приглушённый свет, который, казалось, исходил ниоткуда и отовсюду одновременно. В воздухе висела тихая, тягучая музыка, не похожая на ту, что играла в человеческих клубах — медленная, гипнотическая, с глубокими басами, которые чувствовались не ушами, а всем телом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.